

ГЛАВА 3

Два царства – два писателя

Библейские рассказы послужили ключами к разгадке личности их авторов, и в то же самое время они являлись окнами в тот древний мир. Истории J отражают условия тех времени и места, в которых проживал автор, а также показывают, в какой плоскости лежали некоторые интересы писателя.

Рассказы Элогиста лучше раскрывают личность своего автора, чем истории J.

Золотой телец

Наиболее показательным является рассказ E о золотом тельце, о котором я вкратце рассказывал во Введении. Пока Моисей получает Десять Заповедей на горе Синай, Аарон изготавливает для народа золотого тельца. Люди говорят: «Вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской». Аарон отвечает: "Завтра праздник Яхве!"¹ Народ совершает жертвоприношения и нечестиво празднует. Тем временем, бог сообщает Моисею о том, что происходит внизу, и говорит, что истребит народ и произведет новый народ от Моисея. Моисей умоляет бога быть милосердным, и бог смягчается. Моисей спускается с горы со своим помощником Иисусом. Когда он видит тельца и состояние людей, он в гневе разбивает скрижали. Затем племя Левия собирается вокруг Моисея и устраивает кровавую чистку среди народа. Моисей возносит просьбу к богу, чтобы тот простил отступничество народа и не уничтожил его.²

Весь рассказ представляет собой сплошные вопросы. Почему человек, который написал эту историю, изображал свой народ таким непослушным именно во время освобождения и получения завета? Почему он рисовал Аарона лидером отступников? Почему Аарон не несет никакого наказания за это в конце? Почему автор изображал *золотого тельца*? Почему народ говорит, что "*Они - ваши боги, Израиль...*", хотя речь идет только об одном тельце? И почему они говорят "*..., которые вывели тебя из земли Египетской*", когда телец, очевидно, был изготовлен уже после исхода из Египта?

Почему Аарон говорит "Завтра праздник *Яхве*", и в то же время противопоставляет тельца Яхве? Почему телец рассматривается как бог в этой истории, хотя телец *не* был богом на древнем Ближнем Востоке? Почему автор изображал Моисея разбивающим скрижали с Десятью Заповедями? Почему изображает левитов в кровавом рвении? Почему включает Иисуса в повествование? Почему изображает Иисуса не участвующим в эпизоде с золотым тельцом?

У нас уже есть достаточно информации из нашего знакомства с миром, который породил Библию, чтобы ответить на все эти вопросы. Мы уже видели важное доказательство того, что Яхвист был из Иудеи, а Элогист из Израиля. Мы также видели свидетельство, наводящее на мысль о том, что израильский автор Е имел особенную заинтересованность в моментах, связанных с царем Иеровоамом и его политикой. Е оперирует городами, отстроенными Иеровоамом: Сихемом, Пенуэлом, Вефилем. Е обосновывает доминирующее положение своего колена, Ефрема. Е презирает Иудейскую политику *missim*. Е уделяет особое внимание вопросу погребения Иосифа, чья могила по преданию находилась в столице Иеровоама, Сихеме. Далее, Е - источник, который придает особое значение Моисею, как своему герою, в гораздо большей степени, нежели это делает J. В этой истории заступничество Моисея пред богом спасает народ от уничтожения. Также Е особенно развивает личную заслугу Моисея в деле освобождения из рабства, а J это делает в меньшей степени. В Е меньше материала о патриархах, чем о Моисее; в J больше материала о патриархах.

Рассмотрим возможность того, что человек, написавший Е, являлся жрецом-левитом, вероятно, из Силома, и, скорее всего, был потомком Моисея. Такого человека должны были интересовать следующие вещи: репрессивная иудейская политика, создание независимого царства при Иеровоаме, особенный статус Моисея. Если это верно, тогда автор Е был силомским левитом, возможно потомком Моисея, и тогда это отвечает на все вопросы касательно рассказа о золотом тельце.

Напомним, что силомские жрецы страдали от потери своего места в жреческой иерархии при царе Соломоне. Их глава, Авиафар, был изгнан из Иерусалима. Другой первосвященник, Садок, который считался потомком Аарона, тем временем оставался у власти. Северные земли левитов были отданы финикийцам. Силомский пророк Ахия спровоцировал северные племена на отделение и провозгласил Иеровоама северным

царем. Надежды силомских жрецов, связанные с новым царством, были разбиты, когда Иеровоам создал культовые *центры золотых тельцов* в религиозных центрах Дане и Вефиле, и не назначил их туда жрецами. Для этого древнего жреческого клана то, что должно было стать временем освобождения, было превращено в эпоху религиозного предательства. Символом их отстранения от власти в Израиле являлись *золотые тельцы*. Символом отстранения в Иудее был *Аарон*. Кто-то из этого клана, автор Е, написал рассказ, который повествовал о том, что вскоре после освобождения израильтян из рабства, они впали в отступничество. Что это была за отступничество? - Поклонение *золотому тельцу*. Кто изготовил золотого тельца?! - Аарон!

Подробности рассказа стали на свои места. Почему в рассказе Аарон не понес никакого наказания? Потому, что дело не в том, насколько сильную неприязнь мог испытывать автор к потомкам Аарона, а в том, что автор не мог изменить всю целиком историческую память своего народа. У них была традиция, в соответствии с которой Аарон являлся древним верховным жрецом. Верховный жрец не мог быть изображен получающим какое-либо наказание от бога потому, что *в таком случае он не мог продолжать служить первосвященником*. Любое пятно на первосвященнике освобождало его от службы. Автор просто не мог сочинить историю, в которой первосвященник отлучался от службы на столь ранней стадии.

Почему Аарон говорит: «Завтра праздник *Яхве*» в то время как сам же противопоставляет тельца Яхве? Потому, что телец, фактически, не конкурирующее божество. Телец, или молодой бык, - всего лишь пьедестал или символ божества, а не само божество. Почему телец *связан* с богом в этом рассказе? Предположительно потому, что история носит полемический характер; целью писателя является изображение золотых тельцов в наименее выгодном свете. В самом деле, мы увидим другие случаи, в которых библейский автор использует слово «боги», включая золотых тельцов и золотых херувимов; и в этих случаях текст также полемичен.

Почему народ говорит: «*Они* твои боги Израиль...», когда речь идет только об одном тельце? Почему они говорят: «...которые вывели тебя из земли Египетской», в то время как телец был изготовлен уже после исхода? Ответ, как кажется, лежит в эпизоде с царем Иеровоамом в третьей книге Царств. Там указано, что когда Иеровоам сделал двух золотых тельцов, он сказал своим людям: «Вот твои боги, Израиль, которые вывели тебя

из земли Египетской».³ Слова народа в книге Исход идентичны словам Иеровоама в третьей Царств. Сегодня нам было бы трудно проследить историю этих двух эпизодов, однако минимум, о котором мы можем заявить, заключается в том, что автор эпизода с золотым тельцом в книге Исход, кажется, взял слова, которые традиционно приписывались Иеровоаму, и поместил их в уста народа. Это сделало связь между историей с золотым тельцом и золотыми тельцами царства Израиль кристально прозрачной для его читателей.

Почему автор Е изображает левитов участвующими в кровавой расправе? Он был левитом. Он написал, что Аарон совершил мятеж, в то время как другие левиты действовали правильно. Моисей говорит левитам, что они заработали благословение своими поступками. Таким образом, рассказ ставит под сомнение легитимность иерусалимских жрецов, и в то же время восхваляет остальных левитов.

Что в этой истории делает Иисус, и почему он непричастен к отступничеству? Потому что, как мы знаем, Иисус был северным героем. Его родное колено было тем же, что и у царя Иеровоама – Ефремом. Его могила, как и иосифова, находилась в Ефреме. Ему приписывают руководство церемонией завета в Сихеме, месте, которое позже стало иеровоамовой столицей. Следовательно, автор Е добавил в историю с золотым тельцом элемент гордости за северного героя, который традиционно ассоциировался со столицей и выдающимся коленом. Непричастность Иисуса к ереси также объясняла, почему позже Иисус становится приемником Моисея.

Почему автор изображает Моисея разбивающим скрижали с Десятью Заповедями? Возможно потому, что это возбуждало недоверие к главной иудейской святыне. В иерусалимском храме располагался ковчег завета, который предположительно содержал две скрижали с Десятью Заповедями. В соответствии с рассказом Е о золотом тельце, Моисей *разбивает скрижали*. Это говорит о том, что, как следует из Элогиста, ковчег, находящийся на юге в иерусалимском храме, или содержал недостоверные скрижали, или не содержал их вообще.

Автор Е при составлении истории с золотым тельцом осуждал одновременно и израильское, и иудейское религиозное устройство. Оба не принадлежали его среде. Тогда напрашивается вопрос, почему этот автор был столь дружелюбно настроен к царству Иеровоама в других рассказах? Почему он выделял города Сихем, Пенуэл и,

особенно, Вефиль? Почему он отдавал предпочтение племени Ефрема? Во-первых, потому, что *Силом* находился в Ефреме, и его первосвященник Самуил был из Ефрема.⁵ Во-вторых, предположительно потому, что израильское царство оставалось его единственной надеждой. Он ожидал того дня, когда нелегитимные, не принадлежащие клану левитов жрецы, пали бы, а его клан левитов был бы восстановлен у власти. Иудея и Иерусалим не предоставляли такой надежды. Жрецы из рода Аарона имели здесь крепкие корни со времен царя Соломона. Они были левитами, а следовательно не менее законными, нежели жрецы Силома. Они были тесно связаны политическими и брачными узами с царской династией.⁶ Единственной надеждой силомских жрецов являлось северное царство. Источник Е хвалит *политическую* структуру царства и в то же время осуждает *религиозную*.

Символы веры

История с золотым тельцом не единственный случай, когда Элогист мог быть раскритикован обоими, северным и южным, сообществами.

В яхвистском варианте заповедей, которые бог дал Моисею на горе Синай, присутствует предостережение касательно изготовления изваяний (идолов). Выражение яхвистской заповеди таково:

*Не делай себе богов литых.*⁷

Здесь заповедь J запрещает только литые изваяния. Золотые тельцы Иероваама на севере были литыми. Золотые херувимы Соломона на юге не были литыми. Они были сделаны из оливкового дерева, а затем позолочены. Таким образом, текст J соответствует иконографии Иудеи. Здесь может подразумеваться, что золотые тельцы северного Израиля являются неприемлемыми, даже если они на самом деле не статуи богов; однако это не оставляет места для противного утверждения о том, что иудейские золотые херувимы также неприемлемы. Между тем, формулировка этого запрета Элогистом гласит:

*Не делайте предо мною богов серебряных, или богов золотых не делайте себе.*⁸

Возможно, эта заповедь относится только к действительным изваяниям богов, но если это также бросает тень на образ пьедестала-трона, тогда это вызывает сомнения по поводу *обоих* изваяний: и литых золотых тельцов, и позолоченных херувимов.

Связь между источниками J и E, и религиозными символами Иудеи и Израиля очевидна повсюду. В яхвистском тексте в начале книги Числа народ отправляется с Синая/Хорива в странствие к земле обетованной.⁹ В соответствии с описанием исхода, ковчег несут перед народом в течение путешествия. Другой текст J также упоминает ковчег в качестве важной составляющей успешных народных странствований в пустыне. Фактически внушается, что военные успехи невозможны без него.¹⁰

Ковчег, как нам известно, расценивался в качестве главной святыни Храма Соломона в Иерусалиме. Это не должно удивлять, потому что это соотносится с особенной важностью в J, но никогда *не упоминается в E*.

E, скорее, приписывает большое значение Скинии Собrania, как символу присутствия бога среди людей.¹¹ В соответствии с книгами Царств и Паралипоменон, Скиния Собrania являлась важнейшим местом национального богослужения до тех пор, пока Соломон не заменил священную палатку храмом. Скиния, помимо прочего, изначально ассоциировалась с городом *Силомом*. Учитывая другие свидетельства, связывающие Элогиста с силомским жречеством, не должно являться сюрпризом, что Скиния Собrania столь важна в E, но *никогда не упоминается в J*.

Ковчег не встречается в E. Скиния не встречается в J. Это не совпадение. Рассказы источников истолковывают религиозные символы тех сообществ, к которым принадлежали источники.

Теперь мы можем возвратиться к началу книги Бытие и оценить обстоятельство в конце принадлежащего J рассказа об Адаме и Еве в эдемском саду, когда Яхве устанавливает херувимов в качестве охранников пути к дереву жизни.¹² Вполне естественно, что с тех пор, как херувимы находились в Святой Святынях иерусалимского Храма, защитник иудейских религиозных традиций изображал херувимов охраняющими что-то ценное и священное.

Рассказ о золотом тельце раскрывает больше сведений о своем авторе, нежели любая другая история J или E. В дополнение к тому, что она рассказывает об окружающей автора действительности и его писательских навыках, она передает, насколько глубоко было негодование автора в отношении тех, кто вытеснил его фракцию из Иудеи и Израиля. Он мог изобразить Аарона, прародителя иерусалимского жречества, впадшим в отступничество и недобросовестность. Он мог изобразить национальные символы израильской религии как объекты идолопоклонства. Он мог изобразить народ, который признавал эти символы заслуживающим кровавого очищения. То, что он изображал Моисея, разрушающим золотого тельца, говорило о том, что сам он хотел бы проделать то же самое с золотыми тельцами Дана и Вефиля: сжечь их в огне, истереть их в прах.

Белоснежная Мариам

У Элогиста имеется другая история, которая отражает глубину противоречия между жрецами, отождествлявшимися с Моисеем (либо в качестве основателя, либо предка) и теми, кто ассоциировался с Аароном. В этой истории Аарон и его сестра Мариам упрекают Моисея за его жену, и бог лично делает им выговор. Эта короткая необычная история, появляющаяся в книге Числа, заслуживает быть прочитанной. Она обычно не включается в учебный курс воскресной школы.

Белоснежная Мариам, Числа 12.

¹ *И упрекали Мариам и Аарон Моисея за жену Ефиоплянку, которую он взял, - ибо он взял Ефиоплянку;*

² *и сказали: одному ли Моисею говорил Яхве? не говорил ли Он и нам? И услышал Яхве.*

³ *Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле.*

⁴ *И сказал Яхве¹³ внезапно Моисею и Аарону и Мариам: выйдите вы трое к скинии собрания. И вышли все трое.*

⁵ *И сошел Яхве в облачном столпе, и стал у входа скинии, и позвал Аарона и Мариам, и вышли они оба.*

⁶ И сказал: слушайте слова Мои: если бывает у вас пророк Яхве, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним;

⁷ но не так с рабом Моим Моисеем, - он верен во всем дому Моем.

⁸ устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Яхве он видит; как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея?

⁹ И воспламенился гнев Яхве на них, и Он отошел.

¹⁰ И облако отошло от скинии, и вот, Мариам покрылась проказою, как снегом. Аарон взглянул на Мариам, и вот, она в прокаже.

¹¹ И сказал Аарон Моисею: господин мой! не поставь нам в грех, что мы поступили глупо и согрешили;

¹² непусти, чтоб она была, как мертворожденный, у которого, когда он выходит из чрева матери своей, истлела уже половина тела.

¹³ И возопил Моисей к Яхве, говоря: Боже [Эль], исцели ее!

¹⁴ И сказал Яхве Моисею: если бы отец ее плюнул ей в лицо, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней? так пусть будет она в заключении семь дней вне стана, а после опять возвратится.

¹⁵ И пробыла Мариам в заключении вне стана семь дней, и народ не отправлялся в путь, доколе не возвратилась Мариам.

Аарон и Мариам высказываются в адрес жены Моисея. Что же такого с моисеевой женой, что беспокоит их? Текст не говорит. Он лишь отмечает, что она хушитка. Так как в Библии Хуш понимается в значении Эфиопии, проблема может заключаться в том, что жена Моисея чернокожая. Трудность состоит в том, что в Библии также имеется местность, именуемая Хушан, которая является мадиамской территорией; и жена Моисея, Сепфора, уже отождествлена в качестве мадиамки (Исх. 2, прим. пер.) Поэтому нет уверенности, говорит ли текст о Сепфоре или о второй жене. В любом случае, наиболее вероятное прочтение текста состоит в том, что недовольство Мариам и Аарона основывается на расовом либо этническом отличии жены Моисея. С психологической стороны интересно, что их истинное недовольство касается не жены. Они не жалуются

вслух на то, что беспокоит их на самом деле. Скорее, их критика направлена непосредственно на Моисея. Они спрашивают, имеет ли Моисей какое-либо преимущественное перед ними положение касательно получаемых откровений. ("одному ли Моисею говорил Яхве? не говорил ли Он и нам?")

Это оказывается ошибочным. Яхве сообщает им, что Моисей действительно выделяется из всех пророков степенью своей близости к божеству. У всех других пророков есть только видения, а Моисей непосредственно общается с богом. Божество описано рассерженным на Аарона и Мариам, поэтому Мариам поражает разновидность проказы, при которой исчезает пигментация кожи, делая ее «белоснежкой». Если здесь дело в том, что жена Моисея чернокожая, тогда наказание за проступок в таком случае является особенно подходящим.

Как и в эпизоде с золотым тельцом, Аарон не несет никакого наказания. Аарон стал традиционно известным как жрец, а человек, у которого была проказа, лишался после этого права на исполнение жреческих функций. Поэтому автор не мог изобразить Аарона разделяющим наказание с сестрой. Однако из рассказа совершенно ясно, что бог разгневался на Аарона (стих 9), и что бог недвусмысленно отмечает преимущество моисеева благочестия перед аароновым. Это также соответствует интересам Элогиста касательно умаления роли жречества ааронидов в Иудее. Кроме того, и здесь, и в истории с золотым тельцом Аарон с уважением обращается к Моисею словами "мой господин," признавая Моисея своим повелителем.

Рассказ о восстании - особенно полезное средство для создания определенного впечатления. Автор изображает человека или группу людей выступающими против законной власти или являющимися скандально непокорными — а затем показывает кончину этого человека или группы людей. Истории Е о золотом тельце и белоснежной Мариам способствуют этому.

Почитание Моисея

Мы охватили большую территорию в поиске за двумя библейскими авторами. Переходя от рассказа к рассказу, мы смогли найти свидетельства, связующие истории, писателя и мир автора. Я привел так много рассказов и указал на все эти свидетельства, во-первых, для того, чтобы просто познакомить читателей с последовательностью

историй J и E. Во-вторых, было важно продемонстрировать силу совокупного аргумента. Возможно, каждый из этих примеров был интересным и заслуживающим дискуссии, но не обязательно являлся неопровержимым доказательством чего-либо сам по себе. Степень, в которой столь многие аспекты столь многих повествований сходятся и указывают в общем направлении, является убедительным основанием для гипотезы множественного авторства вообще, и для идентификации авторов J и E, в частности. Чем больше читаешь эти истории, тем больше проникаешься ощущениями их авторов, каждого в его мире, и тем больше все становится ясным.

Когда мы идентифицируем Элогиста как силомского жреца, который, возможно, считал Моисея своим прародителем, мы не просто говорим о его родословной. Мы стремимся к пониманию того, почему он написал то, что написал. Это помогает нам понять, почему истории E уделяют больше внимания личности Моисея, чем это делает Яхвист – и не только лишь *больше* внимания, а больше *сочувствующего* внимания. В J нет ничего похожего на моисеево обращение к богу в элогистском повествовании в одиннадцатой главе книги Числа. В нем народ жалуется на отсутствие мяса в рационе во время скитаний в пустыне и ностальгически вспоминает о хорошей еде в египетском плену, временно игнорируя тот факт, что они должны были работать как рабы за ту пищу. И тут, очевидно, Моисей не может больше нести возложенное на него богом бремя – руководить целой общиной единолично. Его просьба к Яхве необычна своей болью и своей близостью к божеству. Он говорит:

*«для чего ты мучишь раба твоего? и почему я не нашел милости пред очами твоими, что ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую ты с клятвою обещал отцам его? Откуда мне взять мяса, чтобы дать всему народу сему? ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня; когда ты так поступаешь со мною, то умертви меня, если я нашел милость пред очами твоими, чтобы мне не видеть бедствия моего».*¹⁴

Е здесь больше чем источник. Это яркая композиция, отражающая особый интерес, симпатию и привязанность к Моисею. Автор Е придает особое значение Моисееву завету на Хориве, но никогда не упоминает завет Авраама. Элогистская история массового бегства из Египта делает особое ударение на степени участия Моисея в освобождении народа, в то время как версия J больше сосредотачивается на *боге*, как на основной причине освобождения. В J Яхве говорит:

«И иду избавить его от руки Египтян и вывести его...»

В Е он говорит:

*Итак, пойдя: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов.*¹⁶

В этих двух стихах разные акценты. Автор Е сосредотачивается на решающей личной роли Моисея. Это совместимо с отношением писателя к Моисею на протяжении всей его работы. Появление Моисея является для него: важным моментом истории, временем завета, временем зарождения нации, временем первого преданного служения богу левитами.

И это является временем, когда мир впервые узнает имя бога.

Имя бога

Я указал два места, где имя «Яхве» встречается в рассказах Е. До сих пор я говорил, что имя бога было ключевым различием между J и Е. Теперь позвольте мне быть более конкретным. В J божество называется Яхве с начала и до конца. Автор J никогда в повествовании не именуется его Элогимом.¹⁷ В Е, божество называется Элогимом до явления Моисею. С первой же встречи бога и Моисея все меняется. В известной элогистской истории, рассказывающей о том дне, когда Моисей встречается с богом, - истории об огненном кустарнике – Моисей не знает имя бога, и поэтому спрашивает.

И сказал Моисей Богу [Элогиму]: вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «как Ему имя»? Что сказать мне им?»¹⁸

Сначала божество дает знаменитый ответ: «Я есмь сущий». (Еврейский корень этих слов такой же, как и корень имени Яхве). А затем он отвечает:

так скажи сынам Израилевым: Яхве, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова послал меня к вам. Вот имя Мое на веки, и памятование о Мне из рода в род.¹⁹

В Е Яхве раскрывает свое имя Моисею впервые. До этой сцены в книге Исход он называется Эль или Элогим.

Почему автор Е поступил так? Ответ спорный. Некоторые считают, что этот рассказ отражает религиозную систему в северном царстве Израиля. При выборе золотых тельцов (молодых быков) в качестве тронного пьедестала, царь Иеровоам, возможно, отождествлял Яхве с верховным ханаанским богом, Элем. Эль ассоциировался с быками и был известен как Бык Эль. Таким образом, Иеровоам говорил, что Яхве и Эль были разными именами одного бога. Тогда история элогиста служила бы слиянию божеств. Это объяснило бы, почему у божества было два различных имени: сначала его называли Элем, а затем он раскрыл Моисею свое имя «Яхве». Это объяснение смены имени в Е привлекательно тем, что оно показывает другую логическую связь между Е и царством Израиля. Это соотносится со всеми остальными перечисленными нами свидетельствами, указывающими на израильское происхождение Е.

Однако в таком объяснении имеется проблема. В Иудее царь Соломон использовал золотых херувимов в качестве божественного пьедестала. А бог Эль ассоциировался не только с быками, но также и с херувимами. Статуи, использовавшиеся обоими государствами, не являются хорошим объяснением того, почему в Е присутствует раскрытие божественного имени Моисею. Кроме того, все остальные рассмотренные

нами доказательства указывают, что автор Е выступал *против* религиозной системы Иеровоама в Израиле. Автор Е изобразил Моисея, *уничтожающим* золотого тельца. Поэтому сложно утверждать, что этот автор придерживался концепции бога этой религиозной системы.

Некоторые исследователи, проводящие исследования в области ранней израильской истории, пришли к заключению, что исторически только небольшая часть древних израильтян действительно была в рабстве в Египте. Возможно, это были только левиты. В конце концов, именно среди левитов мы находим людей с египетскими именами. Такие имена левитов, как Моисей, Офни и Финеес – все египетские, а не еврейские. Еще левиты не имели, как другие племена, собственной территории. Эти исследователи предполагают, что группа, которая находилась в Египте и затем в Синае, поклонялась богу Яхве. Затем они прибыли в Израиль, где встретили израильские племена, которые поклонялись богу Элью. Вместо разбирательства, чей бог истинный, две группы пришли к верованию, что Яхве и Эль являлись одним и тем же богом. Левиты стали официальными жрецами объединенной религии, возможно силой или с помощью другого влияния. Или, возможно, в качестве компенсации за отсутствие территории. Вместо земли они получили, как жрецы, 10 процентов приносимых в жертву продуктов.

Эта гипотеза также соотносится с той идеей, что автор Е являлся израильским левитом. Его рассказ об открытии имени Яхве Моисею отразил бы следующий момент: богом, которому поклонялись населяющие землю племена, был Эль. У них были предания об Эле и их патриархах Аврааме, Исааке и Иакове. Затем прибыли левиты со своими преданиями о Моисее, исходе из Египта и боге Яхве. Эпизод с божественным именем в Е объясняет, почему имя Яхве не являлось частью ранней национальной традиции.

Это всего лишь гипотеза, и мы должны быть осторожны с ней. Важным для нашей нынешней цели является то, что в Е Моисей имеет особую, не встречающуюся в J, важность. В Е Моисей - поворотный пункт в истории. О периоде до Моисея, в Е рассказывается намного меньше, чем в J. У Е нет истории творения, нет рассказа о потопе, сравнительно мало материала о патриархах.

Это отлично согласуется со жрецом-левитом. Тот факт, что Е содержит три главы, посвященные закону²⁰, также соотносится со жреческим происхождением Элогиста. J не согласуется. *Как мы увидим*, законодательный материал в каком-либо месте Библии принадлежит жрецам.

Общая картина рассказов Е такова, что они представляют собой связную группу с определенной перспективой и набором интересов, а также неразрывно связаны с миром автора.

Аналогично и с Яхвистом, чем больше мы читаем его истории, тем больше мы можем видеть их единство и их связь с миром автора. Мы, например, можем понять, почему он не обыгрывал различие между именами бога до и после Моисея. Для него что-либо особенно важное произошло до Моисея. Этот писатель был связан с правящей династией Иудеи - династией Давида. Поэтому он уделял особое внимание завету бога с патриархами. Завет был связан с городом Хеврон, первой столицей Давида. Завет обещал землю от реки до реки. Другими словами, он обещал то, что было сделано при царе Давиде. Для такой цели откровение Аврааму являлось, собственно, поворотной точкой истории. Он не считался менее ценным, нежели откровение Моисею или народу на Синае. Чтобы изобразить синайское откровение, как первый завет подкрепленный именем бога, необходимо было бы умалить важность завета между богом и патриархами. Поэтому J использует имя Яхве повсюду.

Сходство J и Е

Остается вопрос, почему между J и Е существует так много сходства. Они часто рассказывают похожие истории. Они по большому счету имеют дело с одними персонажами. Они используют практически одинаковую терминологию. Их стили достаточно похожи, поэтому никогда не было возможно отделить их только на одних лишь стилистических основаниях.

Одно возможное объяснение этого состоит в том, что один из источников основан на другом. Например, J мог быть иудейским придворным сборником священных национальных преданий и, таким образом, северные левиты считали, что необходимо было создать свой собственный национальный сборник, потому что законное царство не

должно было бы существовать без такого документа. Или наоборот, возможно, документ Е существовал раньше, а иудейский царский двор полагал, что необходимо было написать свою собственную версию, потому что, например, изображение Элогистом Аарона было неудовлетворительным. Дело в том, что истории Е, независимо от описываемого вопроса, вряд ли приветствовались в Иудее; а рассказы J, восхваляющие Иудею, вряд ли рассказывались за чашкой чая в Израиле. Существование любой версии в любом царстве являлось бы подстегивающим фактором, чтобы создать альтернативный вариант в другом царстве.

Тем не менее, эти два варианта не выглядели бы, как совершенно несвязанные работы. Они все равно опирались бы на общую сокровищницу историй и преданий, потому что Израиль и Иудея когда-то были единым народом, а во многих отношениях все еще им и оставались. Они оба придерживались традиции божественного обещания их предкам Аврааму, Исааку и Иакову. Они разделили предания о том, что были рабами в Египте, об исходе из Египта под предводительством человека по имени Моисей, об удивительном откровении на горе в пустыне и о годах странствий, предшествующих оседлой жизни на земле обетованной. Ни один из авторов не мог составить (или не был заинтересован составить) абсолютно новую, вымышленную историческую картину.

Также и с манерой изложения: как только один вариант был признан в качестве документа, содержащего священные национальные традиции, автор второго варианта - мог бы, сознательно или бессознательно, решить подражать его стилю. Если манера первого стала восприниматься в народном сознании в качестве правильного, официального, привычного языка изложения священного предания того периода, второй автор был бы заинтересован сохранить такую манеру выражения. Таким же образом, язык и стиль конституции Соединенных Штатов часто является предметом подражания конституций отдельных штатов, поскольку этот язык понимается в качестве общепринятой, правильной формы изложения документов. Другое возможное объяснение стилистического подобия J и E состоит в том, что (скорее, чем J основывался на E или E на J) *оба* могли иметь в своей основе общий ранний источник. Таким образом, возможно, существовал старый, передаваемый из поколения в поколение цикл рассказов о патриархах, исходе и т.д., который оба автора использовали в качестве источника для своих работ. Такой исходный цикл мог бы являться либо письменным, либо устно передаваемым сборником. В таком случае, при образовании

царств Израиля и Иудеи, каждый из авторов приспособил такой сборник к своим интересам и целям.

Сколько авторов?

Мы можем быть еще более конкретными касательно того, кем были эти два человека и когда они жили. Во-первых, вопрос состоит в том, действительно ли существовало только два автора. Я рассказал только об одном авторе Е и об одном авторе J. Некоторые ученые рассматривают каждый из источников J и E как продукт коллективного творчества, а не произведение одного человека. Они говорят о J¹, J², J³ и т.д., или говорят о существовании Яхвистской и Элогистской школ. Я не вижу доказательств, которые бы подталкивали нас к такому анализу. Напротив, как мы уже видели, текст каждого источника представляется мне цельным и последовательным. Конечно, редактор мог добавить слово, фразу или стих в том или ином месте. Яхвист, например, мог не писать сцены с предсмертным благословением Иакова в Быт. 49. Автор мог просто услышать ее, расценить необходимой для его цели и вставить ее в работу. Тем не менее, я не нахожу возможности для разделения общего повествования каждого из источников на более мелкие составляющие.

Пол авторов

Автор Е, наверняка, был мужчиной. Мы видели насколько крепки его связи со жрецами-левитами из Силома. В древнем Израиле жречество состояло строго из мужчин. Вполне возможно, что жена или дочь левита могла разделять его интересы и писать о них, но преимущественное положение мужчин и концентрация на мужских персонажах все еще свидетельствуют в пользу мужского авторства. Также, принимая во внимание патриархальность общества и мужское жречество, сомнительно, что документ, имевший формальный, жреческий статус, мог бы быть доверен руке женщины.

В случае с J дело обстоит сложнее. Происходящий из иудейского царского двора (или, по меньшей мере, отражающий интересы), он вышел из круга, в котором и мужчины и женщины имели определенный статус. Поэтому даже в ориентированном на мужчин обществе женщины благородного сословия могли иметь больше власти,

привилегий и отличаться большей образованностью, чем мужчины низшего сословия.²¹ Вероятность того, что Яхвист был женщиной, намного выше, чем в случае с Элогистом. Что более важно, истории J, в целом, больше интересуются женщинами и более чувствительны к ним, нежели рассказы E. Действительно, в E нет ничего подобного рассказу о Фамари из Быт. 38. И дело не только в том, что женщина Фамарь фигурирует в качестве главной героини этой истории. Дело в том, что рассказ сочувствует несправедливо обиженной женщине, он сосредоточен на ее намерениях бороться с несправедливостью, и заканчивается эпизодом, в котором мужчина-обидчик (Иуда) признает ее права и собственную ошибку.

Это не делает автора женщиной. Но это не означает, что мы можем скоропалительно заключить, что автор являлся мужчиной. То, что профессия писца в древнем Израиле была мужским делом, все еще является весомым доводом, однако это не позволяет исключить возможность того, что женщина могла сочинить работу, ставшую обожаемой и ценимой в то время.

Когда они жили?

Когда эти два человека жили и писали? Так как повествование Яхвиста упоминает рассеяние колен Симеона и Левия, но не упоминает рассеяние других племен, его автор, практически без сомнения, написал свой рассказ до ассирийского нашествия и изгнания израильтян в 722г. до н.э. Он предположительно мог быть написан уже во времена правления Давида или Соломона, однако подчеркивание важности ковчега завета и заповеди, запрещающей литых богов, звучат как полемика с израильским царством. Это означает, что составление источника произошло после разделения царств. Кроме того, рассказы J об Иакове и Исаве отражают независимость Эдома от Иудеи («воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей»). Это произошло во время правления иудейского царя Иорама, 848-842 гг. до н.э.²² Это относит написание J между 848 и 722г.г. Автор E сочинял в Израиле, в период с 922 по 722гг. до н.э. Сократить еще этот период сложно.²³

Наиболее важный момент состоит в том, что и J, и E были написаны прежде, чем ассирийцы разрушили Израиль. В это время ассирийцы произвели высылку израильского населения. Кроме того, было, конечно, много израильтян, которые

сбежали бы на юг в Иудейское царство. Археологические раскопки Града Давидова в Иерусалиме подтверждают, что население Иерусалима существенно выросло в этот период. Вероятный исторический сценарий состоит в том, что текст Е попал в Иудею с этим потоком людей. Левиты, бегущие от ассирийцев, едва ли оставили бы свои ценные документы.

Ассимиляция недавно прибывших израильтян в иудейское население после 722г. до н.э. сама по себе не должна была представлять непреодолимых трудностей. Израильтяне и иудеи были родней. Они говорили на одном языке - иврите. Они поклонялись одному богу - Яхве. Они разделили наследственные традиции о патриархах и исторические традиции об исходе и пустыне. И что они должны были сделать с двумя документами, описывающими священные национальные обычаи, хотя и выделяя при этом разных персонажей и разные события, а порой и противореча друг другу? Решение, очевидно, состояло в том, чтобы объединить их.

Объединение J и E

Можно было бы спросить, почему человек или люди, ответственные за это, просто не исключили один из источников. Почему не оставили только E, или, что более вероятно, J общепринятым текстом и не отвергли или не проигнорировали другой вариант? Распространенный ответ на этот вопрос заключается в том, что общество библейских времен испытывало слишком большое уважение к написанному слову, чтобы проигнорировать полученный документ, имеющий печать старины. Проблема, связанная с такой точкой зрения, состоит в том, что ни J, ни E никак не являются законченным в том тексте, каким мы его видим сейчас. Редактор(ы), очевидно, не стеснялись компилировать полученные тексты. Поэтому трудно утверждать, что они сохранили тексты только из почтения к ним.

Более вероятной причиной сохранения J и E, возможно, являлась их достаточная известность, которая не давала сойти с рук исключению того или иного из них. Один из них не мог рассказать истории о событиях на Синае, не упоминая, например, золотого тельца, потому что кто-то из слушателей (особенно бывший житель севера) мог вспомнить историю и выразить протест. Другой не мог рассказывать историю Авраама без упоминания событий в Хевроне, поскольку кто-нибудь другой из слушателей

(особенно кто-то из Хеврона) мог возразить. В той же степени, в которой повествования J и E стали известными в то время, в той же степени необходимо было сохранить каждого из них.

Тогда можно спросить: зачем вообще их соединять? Почему не сохранить их по отдельности? Почему они были сокращены и объединены таким образом, как мы наблюдали это, например, в истории о потопе? Видимо потому, что сохранение источников по отдельности бросало бы тень на подлинность обоих. Если бы оба были бы сохранены рядом на одной полке, это было бы напоминанием о двойной истории, которая произвела два варианта. И это уменьшило бы авторитет каждого из них.

Короче говоря, объединение двух произведений в одно было в большей степени связано с политическими и социальными реалиями тех дней, как в свое время написание этих произведений было привязано к реалиям периода создания источников. Их объединение отразило объединение (а лучше: воссоединение) двух сообществ после двухсот лет раздоров.

Остается еще много загадок относительно авторов J и E. Мы не знаем точные даты их жизни и не знаем их имена. Я считаю более важным то, что мы знаем. Мы знаем кое-что об их мире и о том, как этот мир породил те рассказы, которые все еще восхищают и учат нас. Однако мы не можем быть удовлетворены, пока мы не сможем быть более конкретными относительно авторов. Поэтому позвольте мне обратиться к источнику D. Мы можем узнать о человеке, который составил его, даже больше, чем о тех, кто написал J и E, - возможно, даже его имя.